

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Журнал научный, литературный
и политический

Замерика в России/

Москва, 1882.

кн. I

АМЕРИКА ВЪ РОССІИ.

I. Въѣсто предисловія. — Орловско-Витебская желѣзная дорога. — Неукротимый предводитель. — Директора-акварелисты. — Кынарна. — Тихая баба и ироды. — Народная нищета. — Вырождающаяся раса. — Пѣтухъ замѣсто сына. — Мальцовская платформа. — Господскій домъ.

Въ трехъ уѣздахъ: Брянскомъ, Жиздринскомъ и Рославльскомъ, принадлежащихъ тремъ губерніямъ: Орловской, Калужской и Смоленской, раскинулось въ одной общей межѣ громадное и въ высшей степени оригинальное фабрично-заводское царство, созданное усилиями одного человѣка тамъ, гдѣ убогая земля и отдаленность отъ промышленныхъ центровъ, казалось, ничего не могли дать заскудѣвшему крестьянину. Царство это является оазисомъ среди скрушающаго бездорожья и безкормицы. Тутъ работаютъ болѣе ста заводовъ и фабрикъ; на десяткахъ образцовыхъ фермъ обрабатывается земля; по небольшимъ рѣчонкамъ бѣгаютъ пароходы; своя узкоколейная желѣзная дорога соединяетъ между собою окраины этого малоизвѣстнаго уголка Россіи; свои телеграфныя линіи покрываютъ его частою сѣтью; въ своихъ школахъ учатся тысячи дѣтей; свои лѣса оказываются нетронутыми, тогда какъ въ сосѣднихъ имѣніяхъ отъ старыхъ лѣсныхъ пустынь не осталось и рощицъ; тутъ люди пробуравили землю и, бабъ черви въ орѣхѣ, копошатся въ ней, вынося на свѣтъ Божій ея скрытыя богатства; отсюда добрая часть нашего отечества снабжается стекломъ, фаянсомъ, желѣзомъ, сталью, паровозами, вагонами, рельсами, паркетами, всевозможными машинами, земледѣльческими орудіями; развиваются новыя производства и, несмотря на наше экономическое оскудѣніе, на отсутствіе базаровъ, поддерживаются старыя. Начиная отъ хозяина, одѣвающегося крестьяниномъ и ведущаго почти крестьянскую

МУЗЕЙ

Славянской культуры

Славянского музея

Славянского музея

Славянского музея

Славянского музея

Славянского музея

Славянского музея

жизнь, и кончая послѣднимъ рабочимъ, жарящимся у домны, здѣсь ничто не нарушаетъ подавляющаго однообразія сермяжнаго царства. Здѣсь нѣтъ роскоши и излишествъ, — нѣтъ и нищеты, нѣтъ и голодовокъ. Мнѣ этотъ край представляется примѣромъ того, какъ плодотворны могутъ быть даже и у насъ неутомимая энергія, знаніе и умъ, если они не растрчиваются вмѣстѣ съ наслѣдіемъ предковъ въ столицѣ, а уносятся на дно, въ глубь Россіи, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, не смущаясь отъ неудачи и переживая всевозможныя невзгоды, дѣлаютъ свое кровное, честное дѣло. Меня давно интересовала этотъ своеобразный и оригинальный уголокъ, тѣмъ болѣе, что о немъ носятся въ Петербургѣ и Москвѣ самыя противорѣчивыя слухи. По однимъ, это — царство небесное, по другимъ — рабочей адъ. Люди, благородно проживающіе свои доходы на интернаціональныхъ публичныхъ женщинъ, на разгулъ столичнаго хамства, проигрывающіе въ карты кровь и потъ народа, чуть не съ ужасомъ говорятъ о Мальцовскомъ краѣ и о самомъ Мальцовѣ: «Помилуйте, это — маниакъ; его мѣсто здѣсь, а онъ, какъ простой мужикъ, забился въ деревню и живетъ тамъ съ крестьянами; это — самодуръ какой-то, социалистъ!» И еще какихъ только эпитетовъ не прибираютъ ти господа. За чѣмъ онъ самъ работаетъ, кому нуженъ его личный трудъ? Онъ могъ бы тратить милліоны, играть роль при дворѣ, а довольствуется тѣмъ, что даетъ ему сельская жизнь. Онъ трудится такъ, какъ человѣкъ, которому вѣсть нечего... Чистокровныхъ хелуевъ, прельщаемыхъ болѣе всего блескомъ ливрей, смущаетъ главнымъ образомъ, какъ это человѣкъ бросилъ карьеру, удовольствія столичной жизни и ушелъ въ народъ. Другой лагерь — и пѣсни другія: «Помилуйте, это край, гдѣ все ушло въ физическій трудъ! Владѣлецъ и всѣ его крестьяне работаютъ какъ баторжники. Тамъ — однообразіе жизни, скудость потребностей, убожество!...» Бороче, упреки, которые имѣли бы значеніе гдѣ-нибудь въ благословенной Богомъ Италіи, гдѣ стоитъ коинуть землю ножомъ, чтобы быть сытымъ. По старой памяти, всѣ эти господа считаютъ еще Россію невѣсть какою богатою страной, точно надъ нею раскинулись не цвѣта сѣраго солдатскаго сукна, а вѣчно голубое небо юга, — точно у насъ каждый голъ урожай и достаточно малаго труда, чтобы всѣ потребности были удовлетворены... Противорѣчивыя слухи, преувеличенные рассказы заставили меня самого заглянуть сюда и провести нѣсколько мѣсяцевъ. Долгое время я не принимался за работу, потому что

все пережитое здѣсь было слишкомъ ново для меня; и не могъ разобраться въ массѣ впечатлѣній, не могъ освоиться съ ними. Да и задача сама по себѣ представляется крайне трудною. Тутъ нужны не одни схваченные на лету факты, не одни наброски наблюдательнаго туриста, не и выводы, и указанія. Если то и другое будетъ у меня не въ должной полнотѣ, — виновать я, а не объектъ наблюдения. Малости просимъ этнографовъ, экономистовъ и организаторовъ, — пусть они сами на мѣстѣ провѣрятъ мои данныя и пополнятъ ихъ. Только у насъ, при нашемъ невниманіи ко всему своему, этотъ уголокъ могъ такъ долго оставаться въ полной неизвѣстности. Въ самомъ дѣлѣ, исключая нѣскольکو жидкихъ газетныхъ корреспонденцій, двухъ рѣдкихъ статей въ *Земельно-хозяйственной Газетѣ*, да трехъ-четырехъ казенныхъ замѣтокъ въ *Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, объ этомъ край ничего видѣть не появлялось. Во всякой иной странѣ цѣлые томы, цѣлыя изслѣдованія были бы посвящены этому краю труда и предпринимчивости. У насъ ему наскоро, точно на бѣгу, удивляются, но остановиться на немъ, всмотрѣться въ него попристальнѣе никому и въ голову не приходитъ. Пополняя этотъ пробѣлъ, я оставляю за собою только заслугу первой попытки. Моя цѣль будетъ достигнута, если эти очерки вызовутъ интересъ къ одному изъ оригинальнѣйшихъ уголковъ Россіи, если они призвутъ къ изученію его болѣе талантливыхъ и болѣе свѣдущихъ людей.

Время для посвященія этого края я выбралъ самое тяжелое для мѣстнаго населенія. Неурожаи, истощавшіе его, довели цѣну хлѣба до 1 руб. 75 коп. за пудъ. Общій экономическій кризисъ отразился и на заводахъ: заказы прекратились, издѣлія, уже готовые, не находили себѣ сбыта. На заводахъ лежала тяжкая обязанность или распустить рабочихъ, какъ это было сдѣлано въ другихъ мѣстахъ, и такимъ образомъ, при отсутствіи хлѣбопашества или иныхъ заработковъ, обречь ихъ на голодную смерть, или же продолжать производство безъ всякаго на него спроса. Къ этому присоединились еще и другія неблагоприятныя условія. Ввозъ иностранныхъ машинъ черезъ австро-прусскую границу и заграничнаго стекла черезъ порты Чернаго моря дѣлалъ невозможною конкуренцію съ ними. Въ общемъ положеніе дошло до того, что Подбужская волость, Жиздринскаго уѣзда, не принадлежащая къ Малопольскому округу, стала исключительно питаться мякиной. Другія сосѣднія волости находились не въ луч-

шенъ положеніи, и толпы рабочихъ являлись на заводы въ то самое время, когда и своимъ съ величайшимъ трудомъ и усиліями отыскивалась какая бы то ни была работа. Крестьянскій скотъ падалъ. Онъ объѣлъ всю солому съ крышъ, гнилье, какое оставалось съ прошлаго лѣта, но, наконецъ, не хватило и этого. Стали его выгонять въ поле, чтобъ изъ-подъ снѣга добывать себѣ старую, высохшую траву. Коии едва держались на ногахъ, — о работѣ думать нечего было. Народъ тоже «тосковалъ», но мѣтному выраженію. Въ эту-то тяжелую, трудную годину общаго бѣдствія я пріѣхалъ въ заводскій округъ, ожидая и здѣсь наткнуться на тѣ же картины безкормицы и самой безвыходной нужды.

Дѣйствительность не оправдала моихъ ожиданій.

Ни одна труба фабрики не перестала дымиться, ни одна заводская печь не погасла. Банъ изворачивались заводы, какъ они кормили и кормились—для меня долго было загадкой. Населеніе не испытывало крайней нужды. Хлѣбъ, заготовленный по дорожной цѣнѣ, выдавался въ достаточномъ количествѣ, а между тѣмъ положеніе дѣла было критическое. Распрашивать было нечего,—нужно было приглядываться и прислушиваться ко всему совершавшемуся кругомъ. Борьба тутъ шла на жизнь и на смерть. Оскудѣнію и нищетѣ не уступалось ни одной пяди. Вымочивалось одно производство, на снѣгу тотчасъ же придумывалось другое; становился убыточнымъ какой-нибудь промыселъ,—задумывались и выполнялись усовершенствованія, удешевлявшія его: проводились новыя желѣзныя дороги, дѣлавшія болѣе выгоднымъ транспортъ товаровъ; придумывались работы, потеря только могли бы дать хлѣбъ людямъ, безъ всякаго расчета на какой-либо барышъ. Издержки сокращались до минимума.

Такимъ путемъ, среди общаго голода, здѣсь населеніе не видѣло нужды; заработокъ въ данную тяжелую пору уменьшился почти незамѣтно и вотомъ снова выросъ. Бѣдствіе прошло, не коснувшись крестьянства.

Какъ это случилось, видно будетъ изъ послѣдующихъ главъ.

Въ Орлѣ я пересѣлъ въ превосходно устроенный вагонъ Орловско-Витебской желѣзной дороги.

Я не знаю мѣстности болѣе бѣдной и менѣе производительной для рельсоваго пути и въ то же время я не встрѣчалъ желѣзной дороги роскошнѣе устроенной: зеркальные вагоны, съ сидѣньями, крытыми уворчатнымъ бархатомъ, съ потолками и дверями изъ цѣльнаго палисандра, со всевозможными удобствами,

подъ-конецъ даже нѣсколько надобдающими. По неволѣ въ головѣ являлись такія соображенія: во сколько обошлась земству и государству эта дорога и на израсходованные-то милліоны сколько сотъ нѣ и тысячъ верстъ можно было бы провести узкоколейныхъ путей съ маленькими пассажирскими вагончиками и прекрасными платформами для перевозки торговыхъ и фабричныхъ грузовъ! Какія бы отдаленныя захолустья подобнымъ способомъ были связаны съ главными артеріями нашей промышленности! Сколько свѣта и богатства внесли бы такія узкоколейныя дешевыя дороги въ захолустья, гдѣ нѣсколько сотъ лѣтъ въ ежовыхъ рукавицѣхъ нищеты и невѣжества тщетно бьется многомилліонное, но маломысленное населеніе!... Такія дороги, какъ Орловско-Витебская, обогатили только капиталистовъ, тогда какъ тѣ, о которыхъ говорю я, спасли бы голодающихъ... Теперь, когда я пишу эти строки, сближенія такого рода выступаютъ еще опредѣленнѣе, потому что въ Жиздринскомъ, Брянскомъ и Рославльскомъ уѣздахъ я видѣлъ, что сдѣлали дешевыя дороги, эти рельсовые мужицкіе пути, которыя гораздо болѣе къ лицу нашей бѣдной странѣ, которыя намъ по барману прежде всего. Я съ моими спутниками занялъ одно изъ отдѣленій вагона, какъ вдругъ къ намъ влѣзаетъ какая-то особа—горластая, нахальная...

— Извольте очистить это отдѣленіе!

— Что такое?

— Тутъ помѣшусь я съ дамами.

— Дамское отдѣленіе—тамъ.

— И безъ васъ знаю... Гдѣ начальникъ станціи?... Позвать начальника станціи!

Является трепещущая фигура.

— Отчего они заняли это отдѣленіе?

— Они первые-съ.

— Какіе-то прикащики... Это чортъ знаетъ что!

Почему мы оказались прикащиками и почему прикащики за ту же плату не имѣютъ права садиться куда имъ угодно, я рѣшительно понять не могъ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе десяти минутъ мы слушали львиныя рычанія, раздававшіяся то съмо, то овамо. Назойливый господинъ, давно усадившій дамъ, не могъ успокоиться.

— Скажите ради Бога, кто же это такое?

— Да свѣже-испеченный к—ій уѣздный предводитель дворянства.

— Чего же ему надо?

— Хочетъ, чтобы дамское отдѣленіе было это, чтобы ему съѣсть сюда виѣсть съ своими дамами...

— Забаллотируютъ они меня, ей-богу забаллотируютъ! — прижался въ уголъ маленькій, толстенькій человѣчекъ, очно подмигивавшій намъ однимъ глазомъ. На круглой головѣ его — обвѣшанная шелковая фуражка, на шеѣ шарфъ, яркость цвѣтовъ котораго привела бы въ изступленіе самаго смиреннаго и закудалаго быка.

— Чего вы беспокоитесь, ваше превосходительство!

— Помилуйте, какъ же не беспокоиться... Вотъ теперь онъ освидѣтель и на меня въ числѣ другихъ, — ну, на выборахъ и накатаетъ съ своей партіей черняговъ.

— Авось!...

— Да, вамъ легко говорить... А если меня изъ губернскаго предводителя въ уѣздыне выгонятъ, такъ я и директоромъ отъ земства на желѣзной дорогѣ не буду... А оно, знаете, 5.000 р. въ годъ. Легко сказать, а ну-ка достань... Нашъ братъ-дворянинъ такой суммы нигдѣ не подниметъ... Тяжкое время пришло-сь!...

— А куда вы теперь пробираетесь?

— Въ семейство-сь, въ Ниццу... Ну, и в. С.-Карло — в. Монако.

— Зачѣмъ?

— Играть-сь... Въ рулетку... У меня каждый годъ...

— Бона!

— Да-сь... Я это съ разсчетомъ-сь...

— Какой же въ игрѣ разсчетъ можетъ быть?

— Какъ кому... Помилуйте... Вы что думаете: у меня положено проигрывать не больше трехъ тысячъ франковъ, — я туда и денегъ съ собой больше не беру, — ну, а выигрывать сколько придется.

— И, разумѣется, проигрываете?

— Отчего же-сь... Въ сколько уже дѣтъ по 20, а то и по 30.000 франковъ увожу оттуда-сь... Главное-сь характеръ выдерживать... Я на 130.000 франковъ, выигранныхъ въ Ниццѣ, себѣ и виллу купилъ.

Шелковая фуражка сползла на бекрень. Губернскій предводитель самодовольно посмотрѣлъ на меня и фыркнулъ.

— Это значить у васъ какъ правильный промыселъ?

— Что за правильный, помилуйте!... По нынѣшнему, дворянскому оскудѣнію: лучше и промысла нѣтъ... У меня на все-съ правила. Вотъ вы, на примѣръ, на желѣзной дорогѣ ѣдите?

— Ёдимъ.

— А у меня гигиена. Я съ воскресенья, какъ выѣхалъ, до пятницы только разъ поѣмъ и нью три раза.

Мы рты разинули.

— И чудесно. Въ Динабургѣ — бутылку сельтерской воды, въ Эйдкуненѣ содовой воды и стаканъ пива, въ Берлинѣ чего-нибудь перекушу и вплоть до Парижа такъ... А въ Парижѣ пообедаю... Вотъ и все-съ. А потомъ слѣдующій обѣдъ въ Ниццѣ.

Человѣкъ съ правилами меня очень заинтересовалъ. Разговорился съ нимъ: оказался однимъ изъ характернѣйшихъ типовъ оскудѣлаго дворянства. Былъ военнымъ генераломъ, теперь ужъ нѣсколько лѣтъ предводительствуетъ, поддерживая свое благосостояніе счастливой игрой въ рулетку. Сверхъ того по выборамъ служитъ директоромъ отъ земства на Орловско-Витебской желѣзной дорогѣ, старается со всѣми ладить и пуще всего на свѣтъ боится черныхъ шаровъ и желѣзнодорожныхъ буфетовъ съ ихъ яствами. Другіе директора — тоже люди оригинальные: вся ихъ дѣятельность уходитъ на окраску вагоновъ и станцій. Одна изъ нихъ меня особенно поразила. Разные цвѣта выступили на ней точно на картѣ, обозначая различныя племена, населяющія Россійскую имперію.

— Что это у васъ?

— А все директора... Живописью акварельной занимаются. Приѣдетъ одинъ: «Что это, говорить, за гадость! Выкрасьте станцію и вагоны въ дикій цвѣтъ». — Выкрасили. Приѣзжаетъ другой... «Экая гадость!... Красьте въ розовое». — Исполнили. Является третій. Не успѣлъ взглянуть, ужъ и кричитъ: «Чему вы это обрадовались? Что это за сентиментальные колера!» — «Прикажете выкрасить?» — «Разумѣется, сейчасъ же». — «Въ какой же цвѣтъ?» — «Gris-pegle!» — Ну, вотъ вамъ въ концѣ концовъ отъ дождей слиняло все, да на разное и пошло-съ. А намъ что же-съ? — намъ все равно...

Гораздо интереснѣе былъ третій классъ.

Кажется, изъ Карачева я перебрался туда. Тамъ было набито народу и все это галдѣло, какъ Богъ на душу положить... Одинъ изъ пассажировъ держитъ въ рукахъ, прикрытую плат-

комъ, птичью влѣтку—и весь путь на вѣсу, точно бонится обезпечить ея обитательницу.

— Птицу везете?—спрашиваетъ у него сосѣдъ.

— Не пса, разумѣется!... Псовъ въ клеткахъ не возить, тѣхъ на цѣпи,—мгновенно обижается тотъ.

— Такъ... Чижъ значить?

— Самъ ты чижъ!... Нашелъ птицу... Экую пѣвицу, какъ чижа, рази бы я такъ бережно?... Эхъ, ты...

— Не орла же двуглаваго?

— Извѣстно, не орла... Бынарку!... Кабая кынарка: иная кынарка и орла превзойдетъ...

— И хороша кынарка?

— Скрипка, одно слово! Умиѣй человекъ кынарка!... Какъ ей только похвисти, она ужъ и разиѣжилась... Сейчасъ—прыгъ, прыгъ и поетъ...

— На продажу?

— Да. Очень ужъ деньги надобны... Ну, я ее одну и везу. Тутъ, въ Брянскѣ, есть насъ ящѣ любители.

— А какая ей цѣна будетъ?

— Красненькая бумажка.

— Птица—то малая.

— А ты—дуракъ большой!

— Чего ругаешься-то?

— Да какъ тебя не ругать, сволочь?.. Рази птицу по росту судить? Ты бы ужъ не любопытствовалъ... А тоже спрашиваетъ, сколько стоитъ... Рази ее на варевъ тебѣ?... Малая... Дубина ты стоеросовая!

— А вотъ за эти за самыя слова...

— Ну?

— Отвѣтите.

— А ты зачѣмъ птицу мою трогаешь? Я можетъ за птицу—то больше, чѣмъ за себя... Малая... Музыканты!...

На слѣдующей сѣмѣ шла бесѣда тихая. Одинъ противъ другаго помѣщались два мастодонта: необычайно толстая бабица и не менѣе тучный купецъ. Первая смиренствовала, ожидая очевидно великихъ и богатыхъ милостей, второй благосклонно внушалъ ей, какъ сиротѣ надо жить...

— Ты подражай, и тебѣ хорошо будетъ.

— Вы ужъ, Степанъ Федосѣичъ, меня уважьте.

— Уважу... Ты—баба тихая... Я тебя уважу...

- Ужь такъ, значить, дворикъ-то за тридцать серебра?
- Пущай... за благородство твое.
- Потому чтобы дракъ этихъ—у меня нѣтъ... У меня дѣвнцы смиренныя, совсѣмъ монашки которыя.
- Зачѣмъ драка? Лаской нашего брата пуще ограбите. Нашего брата добрымъ-то словомъ какъ ушибить можно!... Вотъ хотъ ты: такъ я тебя за тишину твою полюбилъ!...
- Благодаримъ покорно.
- Баба ты сочная, а гордости въ тебѣ нѣтъ.
- Ужь и самой соба эти въ тягость...
- Мясами одержима... А отчего? — оттого, что ты тихая баба, ласкован... Дѣтей у тебя нѣтъ?
- Нѣтъ... Не далъ Господь... Ужь какъ я то-ись...
- Будутъ... Это будь спокойна... Если захочешь, чтобъ были, будутъ по желанію твоему.
- И съ дѣтьми тоже нонѣ.
- Безпокойно?
- У иныхъ прочихъ дуже этихъ... бузуковъ. Такіе ироды!
- Ироды?... Ироды младенцевъ больше...
- Вѣрно твое слово!—вмѣшалась старуха рядомъ.—И ироды разные, господинъ кунецъ, бываютъ... Которыя и младенцевъ, а которыя ироды и родителей... Особенно промежду мужчиновъ страсть какъ нужаютъ наше дамское сословіе... У меня теперъ Иванка... это которыя ахалъ-текинцы гораздо его смиреннѣй. Я ужь и то ему говорю: смотри, Иванъ, на свое Скобелева наткнешься, онъ тебѣ успокоитъ!...
- Два мужика около вели совсѣмъ дѣловой разговоръ.
- Ты какъ баранъ-то купилъ?... Смотрѣлъ?
- Известно... Ужь я округъ-то ходилъ, ходилъ... Пять цѣлковыхъ!... Ужли же я стану такъ бизо глазу?...
- Ты куда яво, барана-то, шуналъ?
- Известно... Подъ пузай.
- Ты его съ боковъ прощипывай... Если въ онъ какая хворость есть, она тебѣ сейчасъ — во... на ладони!... Правослово! Потому у насъ дьячокъ, онъ чуть что, сейчасъ въ набакъ, и своля хонъ ты ему ставъ, а онъ все плачетъ, расплачетъ: «Ахъ, сколь я много, грить, терплю!... Сколь я терпѣлъ... Господи!... Если бы, грить, другому кому, давно бы на колокольню и—сверзился...»
- Да ты это о чемъ?

— О дьячкѣ...

— Чего о дьячкѣ?... Я— о баранѣ... Говорю, подь пузай шу-
паль... Дулдышечка экая махонькая есть, но только ничаво...

Оба нѣкоторое время смотрѣли другъ на друга въ недоумѣніи...

— Поди-жь ты... И съ чего теперича этотъ дьячокъ замѣ-
шался...

— То-то, потому я про барана...

— Точно, а только этотъ дьячокъ—горькій, такой горькій, та-
кой горькій... Ахъ!... Какъ выпьеть, сейчасъ водка эта у него
слезой идетъ... Много, грить, я грѣшенъ, Господу моему можетъ
яко извергъ предстою, а только душа у меня во какъ чиста!...

— Мѣста ищите?—обратился ко мнѣ неподалеку одинъ изъ
крестьянъ-пассажировъ.

— Да, куда бы присѣсть вотъ.

— А здѣсь не угодно ли?... Въ какія мѣста теперя?...

— Да вотъ на заводы.

— Такъ... Боторые наши крестьяне тамъ, такъ съ полго-
ря, —ни съ того, ни съ сего обьявилъ онъ.

— Это почему же?

— А потому. Оскудѣли мы здѣсь, очень заскудѣли... Самъ
видѣлъ, какая у насъ земля неспособная... Наши ес, песокъ
одинъ. Ничего не родить она.

— Видѣлъ, точно.

— Ну вотъ... А въ послѣдніе годы совсѣмъ немочно стало...
Что ни дѣлай, помирать легша. Теперъ у насъ запаника—пять
четвертей, а съ ними-то мы сняли четыре, —себѣ въ убытокъ.
Вотъ у насъ хозяйство какое... Должонъ я подать отдать, да на
земство... И семью прокормить—мнѣ мало-мало двадцать четвертей
надо, а цѣну-то нонѣ слышалъ? Рубъ семьдесятъ пять пудъ...
Хорошо это?... Откуда я возьму?... Вотъ я и говорю: которые маль-
цовскіе, тѣмъ чудесно, потому ихъ Мальцовъ кормитъ при заве-
дѣ. Ихъ что?—они бѣды не знаютъ. Чуть недородъ, сейчасъ въ
контору: «давай работу». —«Нѣтъ работы!» —«Намъ должна быть,
потому мы мальцовскіе». —Ну, и даютъ... И хлѣбъ даютъ, и рабо-
ту даютъ, а намъ не очень-то... Тутъ у Тянилеева и Губонина ре-
били мы и деньги хорошия получали, а только неспособно... Пер-
вое—распустили, потому у нихъ дѣла мало нонѣ, а второе—нисть
тамъ больно веселая... Бабаки эти. Что ни заробишь, все уйдетъ.
Теперъ мы домой, а только мелемъ, что и дома намъ робить
ничего... Совсѣмъ мы заскудѣли!... Сидеть у насъ дома это на

ногахъ стоять, отоцалъ... Брюхо у него пухлое, а самъ что дѣснага гнется. Хворость—и тотъ кони-то оглодали... Когда еще на нихъ работать станешь!

И вездѣ та же дѣсна: нуженъ хлѣбъ и хлѣбъ. Многого не хотѣть, лишь бы не помереть только съ голода, а голодъ подступеть насильщій. Прежде къ мироѣдамъ въ кабалу шли, теперь и мироѣды не даютъ ничего,—и безъ того крестьяне у нихъ въ неплатныхъ долгахъ состоятъ. Теперь даже и урожай лѣтній не особенно поправитъ положеніе дѣла, потому что ничего не сдѣлано для установленія сколько-нибудь сносныхъ цѣнъ на зерно. Крестьяне даже боятся слишкомъ большаго урожая,—тамъ, гдѣ его ждуть,—потому что при немъ цѣны упадутъ до минимума и весь барышъ уйдетъ въ руки жидовъ и лупщиковъ, на которыхъ сколько уже времени такимъ образомъ безъ устали работаетъ крестьянство. Колебанія цѣнъ таковы, что мужикъ и теперь потерялъ голову совсѣмъ.

— Что же это будетъ? — сокрушался одинъ подъ Карачевомъ. — Какъ же это?... Гдѣ же Богъ-то?

— А что?

— Да какъ же, помишу... Лѣтось сами мы продавали хлѣбъ по 40 коп. за пудъ, а теперь приходится платить за тотъ же хлѣбъ по 1 руб. 75 коп. Какъ же это?...

— А зачѣмъ продавали?

— Какъ не продашь, коли зимой голодъ былъ, заимовались,—ну, лѣтомъ и отдавать пришлось.

— Были даже мѣстности, отдававшія свой хлѣбъ по 25 коп. за пудъ. Следовательно зимою онъ же за каждый пудъ хлѣба, купленный ими по 1 р. 75 коп., отдали семь пудовъ своего. Такой невозможный процентъ хоть кого сведетъ съ ума и озлобитъ. Въ будущемъ поселяне ничего хорошаго не видятъ,—земли мало, да и та истощена до послѣдней возможности. Упрекать ихъ за это едва ли основательно. Не виноваты безграмотный мужикъ, обезплодившій свою землю тамъ, гдѣ такъ хищнически распоряжался землей интеллигентный и богатый баринъ, имѣвшій возможность всему научиться и ничему не научившійся. Почему перваго мы дѣлаемъ ответственнымъ за то, за что втораго только сожалѣемъ?... Результатомъ экономической безурядицы, въ которую поставленъ русский мужикъ, явилась полная со стороны его неувѣренность въ своемъ положеніи; отсюда и полное нежеланіе прочно устроиться. Онъ сложилъ руки и повторяетъ одно:

— Какъ Богъ!... А мы ужь очень заскудѣли...

Пожалуй, можно не доводить на отсутствіе энергіи и предприимчивости, да вѣдь не на мякини же воспитаешь и то и другое. Какая тутъ изобрѣтательность явится, коли за каждый пудъ хлѣба нужно отдать по семи пудовъ, коли подати изъ тебя выбиваютъ, не зная какъ получить ихъ иначе!... А тутъ еще тѣ, которые борились на заводахъ, тысячами возвращаются въ село, обременяя міръ. И этихъ надо прокормить, потому что и они не виноваты, — безработица. Заводы также въ упрекъ: что же имъ дѣлать? Вѣдь, покровительствуя иностраннымъ производителямъ, мы убиваемъ своихъ. Таможенная система такова, что внутренняя промышленность не можетъ бороться съ иностранной. Заказовъ нѣтъ ни откуда, слѣдовательно — раззореніе и роспускъ рабочихъ. Знаете ли, напѣимъ, что машину англійскаго издѣлія провезти отъ Гулля до Харькова дешевле, чѣмъ русскую туда же хотя бы изъ Орловской губерніи? Да еще первую перевезутъ безъ перегрузки, а слѣдовательно и безъ поломки, а вторую чуть не на каждомъ ста верстахъ перевозакивай, ч. разумеется, при небрежности нашей желѣзнодорожной администраціи и при негѣжестъ ей это обходится не безъ ломки. Отсюда — отсутствіе предприимчивости: не для будущаго же поколѣнія работать, когда нѣтъ спроса въ живущемъ. Слѣдовательно, оборачивайтесь какъ знаете и какъ можете... А какъ можете, ясно изъ слѣдующаго разсчета. Возьмемъ среднюю семью: отецъ, мать, подростокъ-сынъ, дѣвочка еще не работающая, при нихъ бабка или дѣдь, итого — пять душъ. Отецъ зарабатываетъ въ мѣсяцъ 10 рублей, мать 4 руб. 80 к., подростокъ 3 р., итого дохода средней семьи въ мѣсяцъ 17 р. 80 к., или 213 рублей 60 коп. въ годъ. Податей, повинностей, земскихъ и иныхъ сборовъ они заплатятъ въ годъ около 80 р. Считая по 3 фунта хлѣба въ день на каждого, имъ понадобится по меньшей мѣрѣ 15 ф. въ день, или 135 пудовъ въ годъ. Въ продажѣ въ послѣднее время онъ не падаетъ ниже 1 рубля. Значитъ подати и хлѣбъ требуютъ уже 215 рублей въ годъ, т. е. болѣе заработка. А остальные потребности?... Вѣдь нельзя же на одномъ хлѣбѣ сидѣть. Вѣдь нуженъ и овесъ для скота, и тесъ для кровли, и платье для себя. Говорятъ: пьютъ. Позвольте, да кто же не запьетъ отъ такой сладкой жизни?...

— У насъ такъ у кого устатощное было отъ прежняго, все проѣли. Которыя богатая семья были, тоже, какъ и мы, нуждаются.

И всѣмъ состоятельнымъ когда-то семьямъ пришлось или перейти въ разрядъ кулаковъ и эксплуатировать ближнихъ, или же обвинять. Зачастую по деревнямъ встрѣчаешь громадныя избы въ два этажа, за то, какъ ребра палой лошади, оголившіяся бревна сиротливо торчатъ, потому что тесъ съ нихъ давно снятъ; заборы развалились, сараи откровенно выказываютъ свою пустоту; печи сиротѣютъ, стоятъ холодныя, а если въ нихъ и варится что, такъ пустая похлебка или мучная подболтка обжигается. И тутъ еще рядомъ упреки: нравственность въ народѣ упала, народъ пересталъ вѣрить... Да помилуйте, какіе же каменные хребты надобны, чтобъ остаться людьми при такихъ вовсе не человѣческихъ условіяхъ! Вѣдь нужда вотъ до чего дошла: есть села, гдѣ на десять дворовъ — одна коровенка, да и та, какъ во снѣ фараоновомъ, худа и тонка. Вонъ деревня Хохловка: тутъ на одиннадцать дворовъ — одинъ конь, да и того постоянно у земли отнимаютъ, потому что нужно справлять имъ разныя натуральныя повинности... Куда же дѣваться народу, гдѣ ему искать спасенія? Отъ чиновниковъ ждать нечего: этимъ лишь бы во время получать жалованье, да отписаться казеннымъ способомъ; чиновникъ къ тому же народа не видитъ и не знаетъ. Въ земство у крестьянства вѣры нѣтъ, потому что хорошихъ людей мало, больше тѣ же кулаки сидятъ, основавшіе на народномъ бездожьѣ свое благосостояніе. Да, наконецъ, если и опомнится земство, прежде всего поправить дѣло — деньги нужны, а гдѣ онѣ? Ихъ придется взять у того же крестьянина, да вѣдь у него только и осталась что шкура, если еще ее не спустилъ становой при взысканіи податей и недонюкъ... И на это заскудѣлое населеніе налетѣли, въ несмѣтномъ количествѣ выростившіе въ послѣдніе годы, всевозможныя кузьки и жучки въ образѣ скупщиковъ, факторовъ, комиссіонеровъ, мироѣдовъ... Облѣпили они крестьянство вплотную и дѣять такъ, что пожалуй скоро и имъ ѣсть нечего будетъ. Дошло до того, что, платя сегодня по 1 р. 75 к. за пудъ хлѣба, онъ завтрашній готовъ продать на корню по 20 коп. за пудъ, потому обезумѣлъ, очумѣлъ, оголодалъ. Лишь бы не помереть къ вечеру, а тамъ будь — что будетъ... Баба идетъ на фабрику: по гривенику ей дай въ день, рада. Изъ школъ берутъ мальчиковъ.

— Зачѣмъ ты его берешь? Учится онъ отлично. Способный у тебя сынъ-то... Бать тебя не жаль.

— Какъ не жалѣемъ! — Жалѣемъ. А только у васъ безъ харчей. На харчи ужь очень изъяснимся. Пуцай же онъ по дому поглядитъ, потому мы тогда евою сестру на фабрику.

А «евоная» сестра на фабрику заработаетъ семь-восемь копѣекъ въ день, или 40—50 коп. въ недѣлю... Луга не даютъ травъ, а почему? — Свины изрыли ихъ, перепортили. Чего же не сгоните ихъ? — Нельзя. Гдѣ же свиньямъ питаться?...

— Мы ими живемъ... Намъ безъ свины пропасть надо! — объяснятъ вамъ.

Скотъ доведенъ до нуля. Удобрения поэтому нѣтъ.

— Золу вывозите на поля! — предлагаютъ умные люди.

— Чудной ты! — смѣются крестьяне. — Коли золу вывеземъ, чѣмъ парнямъ рубахи-то мыть баба станетъ?...

Какъ истощенная нива становится добычей всякой мухи не-потребной, всякаго жучка прожорливаго, такъ и это объдѣвшее населеніе стало вѣчнымъ пристанищемъ тифовъ, лихорадокъ, диссентерій, дифтеритовъ и... еще не знаю чего. Борятся съ ними медицинскими средствами, посылаютъ цѣлые отряды сестеръ милосердія, цѣлые отряды врачей — и все ни почему. Оно и понятно: пока существуетъ нищета, до тѣхъ поръ и болѣзни будутъ въ немъ гнѣздиться... Лягутъ новыя сотни самоотверженныхъ сестеръ милосердія въ могилы, а все ни на волосъ не уменьшатъ народнаго бѣдствія. Гдѣ же спасете?...

Ужъ никакъ не въ канцеляріи, ужъ никакъ не въ чиновникѣ, сооружающемъ проекты о распространеніи по всему лицу земли Русской плодородія и благополучія...

Пока это плодородіе распространится, — посмотрите, во что вырождается типъ крестьянства. Орловцы, калушане — да вѣдь это были когда-то цвѣтъ нашего племени! Видѣли ли вы, какъ во время поздней весны, въ безкормицу, оголѣвшій, опаршивѣвшій, весь лохматый, обезсилѣвшій скотъ выгоняютъ на облаженные черныя луга и поля?... Дома и гнилой соломой не стало. Бони едва-едва ходятъ, шатаются на ослабѣвшихъ ногахъ какъ пьяные, обонутся о заборъ, понурятся да и стоятъ такъ по цѣлымъ часамъ. Шерсть съ нихъ клочьями летитъ, по тѣлу язвы какието, сочится въ нихъ сукровица... Совсѣмъ валятся!... Вотъ то же самое и съ народомъ стало, — разумѣется, не съ пригороднымъ населеніемъ, кое-какъ околачивающимся у большихъ центровъ, а въ глуши, гдѣ-нибудь въ Жыздрѣ или Рославлѣ, — малорослые, возотушные, съ какими-то пятнами по лицу и по тѣлу, мало-

кровные, слабые. И бабы, которыхъ еще недавно, какъ идеалы красоты, описывали наши беллетристы и поэты, — гдѣ эта мощь славянской женщины, гдѣ эта ея сила, круглыя плечи, высокая грудь, лебединая шея, смѣлый голосъ и вольная пѣсня? Тутъ, въ средней полосѣ Россіи, баба... мякинная стала. Большое, какъ у кормленнаго на солому коня, брюхо, слабыя ноги, рябое лицо съ безжизненными глазами, чахлая грудь — вотъ вамъ и красота.... Не вырождаемся ли мы?... Въ Москвѣ, да въ Питерѣ этого не видно, — сюда милости просимъ: можетъ-быть и поразить тогда васъ убогая и сѣрая картина русской дѣйствительности... Пора проснуться, если только уже не поздно!

Разумѣется, у насъ при всѣхъ подобныхъ указаніяхъ есть очень удобное средство къ самоуспокоенію.

Обыкновенно мы останавливаемся на томъ, что авторъ-де преувеличиваетъ... Помилуйте, разумѣется, не все благополучно; но въ этомъ году урожай — и дѣла уладятся, все придетъ къ хорошему концу и народу станетъ полегче... О, Валаамовы есилицы, еслибы вы, наконецъ, поняли, что сама дѣйствительность наша стала столь преувеличенной, что самое яркое воображеніе уже не способно положить на нее болѣе рѣзкіе контуры, болѣе черныя тѣни!... Урожай отдалилъ только на годъ, на два неизбежный кризисъ; онъ далъ вамъ время опомниться и взяться за дѣло, а не успокоиваться на лаврахъ, которыхъ вы вовсе не заслужили... Писатель, открывающій глаза обществу на его язвы, во всякой странѣ является его другомъ, у насъ — врагомъ. Впрочемъ, это еще очень старая исторія: не обличай безумна, да не возненавидитъ тя; обличай премудра — и возлюбитъ тя. Премудрому дашь вину — премудрѣйшимъ будетъ.

Мы, вообще, въ премудрости невинны, — напротивъ!

Въ жизни грустное и смѣшное какъ-то переплетаются вмѣстѣ... Не успѣлъ еще я передать тягостныя впечатлѣнія желѣзнодорожныхъ встрѣчъ съ голодающимъ крестьянствомъ, живо напомнившимъ мнѣ такое же оставленное въ только-что покинутыхъ селахъ и деревняхъ, какъ на станціи Брянской наткнулся я на сцену совсѣмъ противоположнаго свойства.

Городской мѣщанинъ. У него въ пригоршнѣ пѣтухъ сидитъ... Мѣщанинъ его слегка поглаживаетъ. Пѣтухъ зажмурился и съ удовольствіемъ дремлетъ, дуракъ, не сознавая, что въ это самое время рѣшастся его судьба.

Пѣтухъ раскормленный, выхолощенный, перо къ перу

— Это вотъ какой пѣтухъ: запоетъ — пѣвчихъ слушать не пойдешь! — живописуетъ мѣщанинъ.

— Да мнѣ его ѣсть! — торгуется другой.

— Твое дѣло — хотъ ты его вари, хотъ жарь!.. А только первый пѣвецъ. Я его за мѣсто сына держалъ — вотъ что!

— Сына-то ты и продаешь?

— По новѣйшему времени и сына продашь, будь спокоенъ...

Отца роднаго на поводу выведешь на базаръ, только возьми...

— Времена — точно!

— А не ежели пѣтуха.

— Такъ бери полтину и чортъ съ тобой.

— Ты погоди. Ивана Петрова знаешь?

— Знаю.

— Хорошъ у него голосъ? Слышалъ ты его въ церкви?

— Ну?

— У мого Петьки еще лучше!

А Петька совсѣмъ уже сладострастно зажурился, покачиваясь на ладони.

— Чиждый?

— Руку-то оттянеть, будь надеженъ.

— Поди кости больше.

— И кость есть. Отчего ей не быть?.. Пѣтухъ исправилъ.

На курей — первый охотникъ.

— Любить?

— Во-кабъ!.. То-ись, такой пѣтушокъ, сейчасъ увидаль, крылья — ффррь... парусомъ, хвостъ трубой и — почнеть, и почнеть!.. Самый праведный пѣтушокъ. Съ нимъ, братъ, не про- синишь, потому горло у ево отъ Бога!

— Кабы на охотника!

— На охотника ему цѣны нѣтъ, потому который охотникъ — себя продасть за такого пѣтуха!.. У другаго перо сухое, жесткое перо, а у мого пѣтуха — ты погляди — муаръ-антикъ, атласъ, а не перо!

— Пѣтухъ справедливый, что говорить. Только больше пол- тугы нельзя дать. Ты скинь.

— Не штаны!.. Скидавать нечего! Это только штаны ски- даютъ-то!.. Ты по-божецки разсуждай. Совѣсть-то есть, не со- всѣмъ обмягла-то?.. Ты Бога вспомни.

— Я, братъ, Бога завсегда помню; Богъ завсегда при мнѣ состоитъ, въ цѣлости, — будь спокоенъ!.. У мого Бога нѣтъ, а

у меня его сколько хопь... Съ тобой подъялюсь еще!... А только дорого.

— Да говорю я тебѣ, какой пѣтухъ!... Душа въ тебѣ есть? Можеть у меня теперь все сердце злыя собаки на клочки рвутъ, потому я его долженъ продать. Подъ ножъ... Сколь это миѣ сладко, ты пойми! Я его растилъ, поилъ, кормилъ, холилъ... Въ нѣгѣ у меня пѣтухъ выросъ... И какой утѣнительный вышелъ. Ты его послушай, какъ запоетъ, сколь у ево гордости много.

Такъ и не дослушалъ. Послышался звонокъ.

Иду къ вагону, смотрю—ведутъ подъ руки старуху-еврейку. Растерялась совсѣмъ, трясется... Языкъ высунула... Бругомъ еврей галдитъ.

— Что это такое?

— Спужались онѣ... Извѣстно, дамскій полъ. У нихъ замѣсто сердца овечій хвостъ,—все трясется... И въ тихую погоду—тоже.

— Чего это?

— А газетъ начитавшись, какъ жидовъ колошматятъ... Ну, и не въ себѣ. Ихъ теперь сродственники въ Вытенскъ отправляютъ.

Усадили старуху... Закрылась платкомъ и надъ лицомъ конецъ его опустила... А все-таки дрожить и бормочеть про себя что-то совсѣмъ ужъ несообразное.

Чѣмъ дальше отъ Орла на западъ, тѣмъ почва становится все хуже и хуже. Еще до Карачева встрѣчается черноземъ, но дальше, къ Брянску, глина и песокъ заполняютъ все доступное глазу. Знаменитые когда-то брянскіе лѣса вырублены сплошь и, по свидѣтельству мѣстныхъ старожиловъ, именно съ той поры, какъ топоръ приобрѣлъ право гражданства въ дѣйственныхъ когда-то чащахъ, началось экономическое оскудѣніе края. Обмелѣли рѣки, зимы стали суровы и продолжительны, весна и осень начали приходиться неровно, урожаи смѣнились почти постоянными недородами. Съ земли сняли шубу, оголили ее,—понятно, что она вымерзла и обезплодилась. Еще нѣсколько столѣтій назадъ иностранцы послы, въѣзжавшіе въ Россію черезъ эту мѣстность, называли ее яблочнымъ царствомъ. Цѣлые яблочныя лѣса раскидывались здѣсь. Теперь, увы, только сосновые да еловые сохранились у Мальцова и въ казиѣ, причемъ въ послѣдней все-таки меньше. Первый ухитрился сохранить ихъ у самыхъ заводовъ, какъ это будетъ разсказано въ слѣдующихъ главахъ. За Брянскомъ поѣздъ прошелъ невдалекѣ отъ желѣзныхъ заводовъ

Тянилеева и Губонина и въ трехъ верстахъ отъ города остановился у Мальцовской платформы. Съ нами вмѣстѣ ѣхалъ одинъ изъ директоровъ здѣшняго товарищества, А. А. Вагнеръ, когда-то, во времена оны, завѣдывавшій всѣми институтами, находившимися подъ начальствомъ Принца Ольденбургскаго.

— Дежурка!—крикнулъ Вагнеръ, выходя на платформу.

— Это еще что такое?

— Сейчасъ увидите...

Къ намъ подкатилъ чрезвычайно оригинальный экипажъ, изобрѣтенный С. И. Мальцовымъ. Это родъ дышловаго тарантаса но съ особеннымъ устройствомъ хода. Бузовъ покоится на двойныхъ дрожинахъ, помещенныхъ другъ надъ другомъ на разстояніи около 4 вершковъ. Продольныя дрожины соединяются нѣсколькими поперечными брусками, въ свою очередь связанными одинъ съ другимъ короткими столбиками. Подобное сочетаніе дѣловыхъ и поперечныхъ брусковъ образуетъ очень хорошия деревянные рессоры, весьма прочныя и покойныя. Впослѣдствіи мы видѣли на заводахъ большіе и малые экипажи того же типа. Рессоры эти крайне дешевы,—ихъ можетъ сдѣлать любой плотникъ,—причемъ починка ихъ обходится въ грошъ. Специалистъ М. Н. Соймоновъ, испытывавшій ихъ не только на шоссе, но и на простыхъ дорогахъ, грунтовыхъ, свидѣтельствуетъ, что рессоры эти особенно хороши на дурныхъ проселочныхъ путяхъ, гдѣ обыкновенныя рессоры часто не выдерживаютъ. Описывая этотъ экипажъ, Соймоновъ между прочимъ говоритъ: «Мы сперва удивились, почему такое полезное изобрѣтеніе г. Мальцова не появлялось ни на какихъ выставкахъ и не нашло подражателей, потомъ же, увидавъ много хорошаго на здѣшнихъ заводахъ, мы были совсѣмъ изумлены, убѣдясь, что не только такія мелочи, какъ экипажи, но и самыя заводы мало извѣстны въ Россіи. Причина этого—въ необыкновенной скромности владѣльца и всѣхъ его служащихъ съ одной стороны, а съ другой—въ еще болѣе невнимательности и необыкновенномъ равнодушіи нашей публики ко всему русскому».

Мнѣ особенно пріятно привести здѣсь отзывъ специалиста, потому что мои послѣдующія впечатлѣнія сложились въ ту же формулу.

Не успѣла подкатить дежурка, какъ на платформѣ разыгралась комическая сцена.

— Какой-то носильщик схватилъ наши вещи; другой его — трахъ-трахъ по уху.

— Ты это чего езопствуешь? — заголосилъ обиженный.

— Какъ ты смѣешь бить его? — вмѣшался Вагнеръ.

— Господа, будьте свидѣтелями! Я ему этого не прощу...

— За что ты его?

— Не за свое хватается... Я сюда приставленъ багажъ носить, а онъ дѣзетъ.

— Чудакъ человекъ... Отчего мнѣ не можно, коли я тоже ѣсть хочу?... Влзу — господа сугубые, думаю — авось гривенникъ влетитъ, а за мѣсто того... Ты бей... бей по шеѣ, — она для того и есть, — а то въ морду!... За морду, самъ знаешь, нонѣ...

Дежурка живо доставила насъ въ прекрасно-устроенный господскій домъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ туристъ высадился на Мальцовской платформѣ, ему заботиться не о чемъ. Ночлегъ, столъ — все ему готово, потому что во всѣхъ углахъ этого края устроены господскіе дома съ помещеніемъ для прѣзжающихъ и съ расторопною прислугой. Чистота этихъ домовъ доведена до педантизма; гостеприимство въ нихъ самое широкое. Не успѣли мы присѣсть къ окну, какъ черномазый, цыганскаго типа, лакей уже стоялъ передъ нами.

— Не угодно ли позавтракать?

— Нѣтъ, спасибо, дайте чаю.

— Онъ уже готовъ... Мы всегда къ поѣзду...

Въ окна видны громадныя вѣковыя сосны. Весна запоздала; снѣгъ еще лежитъ на поляхъ, хотъ ужъ потемнѣвшій, сдвинувшійся. Подъ его окрѣпшею корою бѣгутъ ручьи, мало-по-малу подтачивающіе царство зимы. Сябрь голыя вѣтви сосенъ привѣтливо сияетъ намъ безоблачное, свѣтло-голубое, небо. Рано налетѣвшіе щеглы уныло перекликаются въ чащѣ совсѣмъ темнаго шиповника.

Когда мы вышли, передъ нами вдали раскинулась чудная картина.

Ея красотѣ даже не могли повредить обнаженные сучья роши и бѣлыя пятна снѣгу, казавшіяся подъ теплымъ сіяніемъ солнца какими-то оняловыми массама, лежавшими на темномъ бархатѣ на половину оттаявшихъ луговъ. Вдали, за садомъ, картины лѣтомъ отсюда должны быть прелестны: впереди гористый берегъ Десны съ массой скученныхъ надъ нимъ церквей, сверкающихъ подъ яркимъ блескомъ дня своими куполами, бѣлыми стѣнами, коло-

кольными и престоми... Городскія зданія Брянска кажутся отсюда выкованными изъ матоваго серебра. Желтыя осыпи песка, уже по вкрутизнамъ берега освободившіяся отъ снѣга, золотыми языками тянутся къ прочному еще ледяному насту рѣки... Подъ свѣжимъ утреннимъ тихо колышется надъ нами красные сучья сосенъ, этихъ остальныхъ великановъ когда-то стоявшаго здѣсь могучаго сказочнаго лѣса... Кажется, будто это не сыжая кора, а кровь проступила изнутри на вѣтви и корявые стволы ихъ... Изъ-за нихъ мерещутся круглыя кровли Сергіево-Радичнаго завода. Вонъ надъ самою водою какая-то жалкая деревянная избушка.

— Это, вы знаете, былъ домикъ, гдѣ жилъ Мальцовъ.

— Какимъ образомъ?

— Когда строилъ заводъ, онъ срубилъ здѣсь себѣ эту избушку и не выѣхалъ изъ нея, пока Сергіево-Радича не была готова... Внизу шумѣла вода, съ маленькой галлерей открывался чудный видъ за Болву и за Десну... А къ суровой обстановкѣ ему не привыкать. Случалось, по годамъ живалъ съ рабочими и кормился изъ одного котла съ ними.

Пахнетъ смолистымъ здоровымъ воздухомъ, точно весь этотъ лѣсъ на встрѣчу вамъ дышетъ во все свои безчисленныя поры... Съ юга уже вѣетъ весною, — тою мягкой, нѣжною, какъ прикосновение цвѣточныхъ лепестковъ къ лицу, тою живительною, какую только и ощущаешь здѣсь, въ этомъ предверіи поэтической Малороссіи... Послѣ Петербурга, еще мучившагося родовыми болями сѣверной весны, здѣсь и глаза, и грудь отдыхали среди простора, поднаго бисеромъ безчисленныхъ пульсовъ оживающей природы... Пульсы эти чудились во всемъ: и въ красноватыхъ вѣтвяхъ березъ, трепетавшихъ отъ перваго пробужденія жизни, какъ вздрагиваютъ тонкіе пальцы женщины, возвращающейся къ сознанию послѣ долгаго обморока, — и подъ снѣговыми глыбами, гдѣ глухо журчала вода, пронизывая себѣ тонкія жилы, — и въ первыхъ робкихъ росткахъ травы, чуть-чуть показавшихся на солнышкѣ, — и въ тихомъ дыханіи вѣтра, давно потерявшаго свою порывистость и грозную силу, — и, главное, въ этомъ голубомъ, безолачномъ небѣ, впервые улыбавшемся медленно открывающей свои очи землѣ.

Противно даже думать о недавно еще оставленномъ городѣ съ грязными улицами, съ точно плачущими окнами, насвободъ промокшихъ отъ сырости домовъ, съ душными вѣтшами, гдѣ на

вспоспльномъ трудъ съ утра до ночи бьются тысячи и сотни тысячъ людей, давно и думать позабывшихъ о безпредѣльномъ горизонтѣ полей, о голубой недосыгаемой высотѣ неба, о чащѣ свѣжаго лѣса и рѣбахъ, что вольно струятся, среди зеленыхъ береговъ, на скованныхъ гранитомъ, прозрачныя и чистыя...

— Точно изъ тюрьмы выпущены на волю!...

— Это что у васъ?...

— Наша желѣзная дорога!...

— Первый разъ вижу!...

И дѣйствительно, послѣ роскошныхъ вагоновъ, широкихъ колесъ и громадныхъ сооружений — передо мной семь небольшихъ вагончиковъ, каждый человекъ на двадцать пассажировъ, маленький паровозъ, бойко поныкивающий дымомъ, узенькая колея микроскопическихъ рельсовъ...

— Какъ разъ для нашего мужицкаго царства!... По мѣстнымъ потребностямъ больше намъ и не надо.

— Есть по ней пассажирское движеніе?

— Еще какое!... Изъ села въ село, изъ завода въ заводъ. Стольго грузовъ перевозится однихъ!

— Наша дорога дешевая, — иное шоссе дороже. Большой бы выкъ ни въ жисть не провести, а эта служить вѣрой и правдой, по 12 верстѣ въ часъ — пыхтитъ себѣ да бѣгаетъ... И, главное, со дня основанія, въ 1877 году, и до сихъ поръ — никакихъ несчастій. Въ другихъ мѣстахъ говорятъ: заложь карету, а тутъ — разводъ пары!

— Вы сочтите, еслибы, вмѣсто всякихъ другихъ, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Россіи понастроили побольше такихъ путей, что бы было теперь? — Захолустій бы не существовало, да и иностранцамъ не пришлось бы миллиарды должать. Вотъ сейчасъ увидите, какъ побѣжитъ наша чугушка!

— Мы какъ баре, — вѣшался рабочий около: — по простымъ дорогамъ и задить не желаемъ, а все по этой!

— И чудесно. Съдъ, заснулъ, а проснулся, глядишь — въ Дидьновѣ, либо въ Людиновѣ.

Первое время народъ противъ чугушки былъ, потому что собралъ выгоду отъ дешевой дороги.

— Безъ нея примереть бы намъ, а теперь дышемъ!

— Будь бѣднѣе тѣ, которые подалше отъ дороги живутъ...

— Рядомъ съ дорогой гниется старое, теперь заброшенное, шоссе. Когда-то и оно здѣсь сослужило свою службу, а то азипажабачи

— На моей памяти сначала у насъ были здѣсь грунтовыя дороги, потомъ шоссе, потомъ парходъ, а ужъ теперь и по чугункѣ стали ѣздить...

Все это дѣлалось на частныя средства и частными людьми, безъ инженеровъ и специалистовъ, а какъ—разскажемъ въ слѣдующей главѣ.

II. Оригинальная желѣзная дорога.—Какъ она строилась.—Кондукторы изъ пѣвчихъ и станціи.—Отъ Сергіева до Дядькова.

Передъ Севастопольскою кампаніей во всей этой мѣстности существовали только одиѣ грунтовыя дороги. Мальцовъ исправлялъ ихъ постоянно, укрѣплялъ гатями, такъ что во время войны артиллерійскіе парки и батареи направлялись не на прямые пути, а сюда. Пушки изъ Перми везли, на примѣръ, черезъ Мальцевскія владѣнія въ Крымъ.

— Отчего не ѣдутъ по прямымъ дорогамъ?—спрашивали ихъ.

— Потому, что Мальцовскія лучше. Тутъ и путь хорошъ, и мосты исправны. А на казенныхъ дорогахъ только мука одна.

Громадное движеніе къ югу скоро въ конецъ испортило дорогу. А тутъ какъ разъ на мѣстные заводы сдѣланъ былъ громадный заказъ ядеръ и другихъ снарядовъ. Работали изъ патриотизма, себѣ въ убытокъ, бросивъ все остальное производство. Для перевозки всѣхъ этихъ грузовъ старыя грунтовыя пути было недостаточно,—оказывалось крайне необходимымъ провести шоссе. Сооруженія такого рода обыкновенно совершались правительствомъ, но Мальцовъ предложилъ выстроить самъ, на свой счетъ, за незначительно повышенный шоссейный сборъ съ частныхъ грузовъ. Время было тяжелое, условія эти для казны оказывались выгодными, но Чевкинъ уперся.

— Стройте, какъ казна строитъ, и берите потомъ обыкновенный шоссейный сборъ. Какъ можно частному человеку брать дорожную казну?

Чтобы помочь дѣлу, пришлось согласиться. Тогда Чевкинъ прислалъ предварительно двухъ инженеровъ. Этимъ и ограничилось участіе правительства.

— Вы зачѣмъ, господа?

— Министръ прислалъ.

— Дорогу строить? Разрѣшеніе дано?

— Дѣтъ, но обѣщанъ сторонамъ будущаго пути, на десять верстъ съ каждой, ситуацию дѣлать.

— Только-то?... Ну, Господь съ вами, дѣлайте.

— Дайте намъ рабочихъ... — И заломили при этомъ какую-то невозможную цифру. Да кстати и денегъ просили.

— Ну, господа, не взыщите, — у меня теперь каждая рабочая рука на счету. Въ Севастополь стрѣлять нечѣмъ, — мы за отливной снарядовъ сидимъ и день и ночь... — И, не ожидая разрѣшенія, Мальцовъ самъ принялся за дѣло безъ спросу.

Заготовили массы камня-фосфорита и давай проводить шоссе своими средствами, безъ специалистовъ. Работалъ самъ Мальцовъ, работали брестьяне. Мужичкиими руками сооруженное, оно и до сихъ поръ стоитъ и держится какъ нельзя лучше. Несмотря на то, что каменнаго грунта тутъ нѣтъ, маленький слой фосфорита отлично сохранилъ шоссе, по которому со дня его основанія были перевезены такія массы однихъ мѣстныхъ, своихъ, грузовъ, что всякій, казной сооруженный, дорогой путь давно бы распался или ежегодно требовалъ бы громадныхъ суммъ на ремонтъ. Развитие транспорта показало, что одной этой дороги недостаточно, — пришлось сдѣлать рѣки Болву, Жиздру и Десну судоходными, брать за свой счетъ и скорѣй съ препятствіями отъ министерства путей сообщенія, чѣмъ съ поддержкой его. Оказалось необходимымъ устроить плывы. Когда все это было готово, завели пароходы и на погонь къ шоссе пришло водное сообщеніе. Тѣмъ не менѣе сообщеніе и его оказалось мало. Многія мѣстности были слишкомъ удалены отъ рѣкъ, а между тѣмъ тамъ находились руды и грѣкъ того-всѣ грузы не могли пользоваться шоссе и пароходами съ баржами. Тогда была задумана дешевая узкоколейная желѣзная дорога. Вся она сооружена Мальцовымъ опять — таки безъ специалистовъ, безъ инженерныхъ смѣтъ, безъ помощи со стороны, на свой счетъ, изъ своего исключительно материала и своими рабочими силами. Первая полтора-верста ея безъ техническихъ радчиковъ устроены менѣе чѣмъ въ одинъ годъ, считая тутъ же и время, потраченное на изысканія. Приспособленная исключительно къ заводскому дѣлу, линія дороги изгибается во всѣ стороны, захватывая въ свой районъ всѣ нуждающіяся въ правильномъ между собою сообщеніи мѣстности. Обошлась она на дорожѣ 7—8.000 рублей съ версты, и дѣло настолько пошло успешно, что движеніе по ней не прекращалось ни разу, хотя непогоже иногда сывало ея попутно. Миниатюрные рельсы и особенно быстрый ходъ дѣлаютъ вполне безопаснымъ сходъ съ рельсъ платформы. За все время существованія дороги можно на-

считать два-три случая легкихъ ушибовъ, причиненныхъ ею; что же касается до крупныхъ несчастій, то желѣзнодорожная хроника убійствъ и бѣдствій ни на одну единицу не обогатилась отъ Мальцовской дороги... Прежде чѣмъ провести дорогу, Мальцовъ верхомъ проѣхалъ по чащамъ стоявшихъ тутъ глухихъ лѣсовъ, намѣтивъ ея направление, затѣмъ пробилъ просѣку и началъ земляныя работы... Работа эта продолжается и до сихъ поръ съ замѣчательною быстротою. Еще по сторонамъ пути не убраны куски деревьевъ, сваленныя вершины ихъ, выкорчеванныя корни, а уже паровозъ работаетъ и платформы съ грузами двигаются по направлению къ рабочимъ. Первая семьдесятъ верстъ были окончены съ особенною быстротою, — на нихъ пошло только три мѣсяца. Чтобы подать примѣръ рабочимъ, хозяину пришлось самому жить съ ними и съ бонями въ шалашахъ, мочнуть подъ дождемъ, спать въ снѣгу. Вмѣстѣ съ ними онъ блалъ шпалы и рельсы, вмѣстѣ рубилъ и свозилъ лѣсъ. Весь въ поту, онъ садился съ ними къ рабочему котлу. Дѣло иначе нельзя было довести до конца такъ быстро и успѣшно... Значительно удешевило дорогу то обстоятельство, что для нея ничъ не приходилось брать у чужихъ по дорогой цѣнѣ. Все — до послѣдняго гвоздя — свое. Рельсы — изъ своей руды, выплавлены и пробачены въ своихъ домнахъ и на своихъ заводахъ, веревки сдѣланы на своихъ канатныхъ фабрикахъ, лѣсъ взятъ изъ своихъ лѣсовъ, паровозы построены въ своихъ механическихъ заведеніяхъ, всѣ машины до послѣдняго баядажа сдѣланы и собраны у себя, вагоны — тоже. Въ концѣ-концовъ оказалось, что желѣзная дорога не съела, не дала ни малѣйшей посадки. На большихъ желѣзныхъ дорогахъ сразу ѣздить нельзя, а тутъ чудесно. Мнѣ самому приходилось проѣзжать, наприм., сегодня по только-что вчера оконченому пути. Дорога эта отъ платформы на Орловско-Витебскомъ рельсовомъ пути близъ Радицкаго вагоннаго и паровознаго завода прошла по Брянскому и Жиздринскому уѣздамъ, огибая стеклянную Радицкую фабрику, сахарную Радицу, Верху, Доманово, Боровки, Березину, Любохну съ ея большими промышленными учрежденіями, Дядьково съ его хрустальными заводами, Буяеву, Супремель, Людиново — здѣшній Шеффилдъ и Манчестеръ вмѣстѣ. Отъ Людиново дорога развѣтвляется: одна линия идетъ на Песочное, а другая по руднымъ мѣсторожденіямъ на Усты, также обогнувъ десятки фабрикъ и заводовъ. Сверхъ того на дняхъ окончена постройкою вѣтвь отъ Дядькова къ западу верстъ на тридцать, къ

Средними и бутылочными фабриками. Самая большая высота горы здесь была 9 футовъ, а насыпи 14 футовъ. Дорожники избегатьъ работъ избѣгали, такъ что рельсовый путь этотъ то и тамъ на незначительныя отлогости, то спускается впередъ, такъ что, оглядываясь назадъ, видишь, какъ рельсы на сравнительно незначительномъ разстояннн проложены волнами, согласно кривизнѣ самой мѣстности. Дорога то и дѣло пересѣкается рѣчками и рѣчками. На нихъ болѣе 250 мостовъ, причемъ самый длинный, черезъ судоходную Болву, тянется на 400 сажень. На мостѣ употребляются паровозы шести-колесные, поднимающіе до 2.500 пуд. груза, и четырехъ-колесные—до 1.100 пуд. груза. Каждый вагонъ подымаетъ восьми-колесный—600 пуд. и четырехъ-колесный до 200 пуд. Дѣло здѣсь пошло такъ успешно, что въ первые же годы по открытнн рельсоваго пути по нему было перевезено болѣе 2.600.000 пуд. груза и около 70.000 пассажировъ. На эксплуатацію дороги и ея подвижной составъ—трафы, въ которыя другіе большіе желѣзные пути выписываютъ болѣе 60% своего валоваго оборота, здѣсь не идетъ и 40%, если считать за грузы и передвиженіе пассажировъ за первые по 1/2 в. съ пуда и версты, а за вторыхъ по 1/4 в. съ версты. Фруктъ этого рельсоваго пути оказался такъ очевидно выгоднымъ, что многія земства стали хлопотать о дорогахъ такого же типа. Первое откликнулось обоянское, и Мальцовъ, который смотритъ на это какъ на чисто-патріотичное дѣло, провелъ ему уже телеграфный путь, взявъ за это свою цѣну и даже, какъ говорить, приплатившись. Обоянскому земству каждая верста дороги обоилась въ 9.000 рублей.

Дай Богъ, чтобъ и въ остальныхъ заколустяхъ скорѣе забили по узенькимъ колеямъ эти маленькіе вагончики съ брошечными паровозами.

Маленькій вагончикъ уже ждалъ насъ. Сидѣнья устроены вдоль его стѣнокъ довольно удобныя, хотя чуждыя какой-нибудь роскоши. Подушки ихъ и спинки покрыты сѣрымъ солдатскимъ сукномъ. Сквознато вѣтра—нигдѣ. Окна прилажены лучше, чѣмъ на большихъ желѣзныхъ дорогахъ. Тонка, благодаря особенному приспособленію герметически закупориваемыхъ печей, постоянно сохраняетъ одну и ту же температуру.

Вы здѣсь на каждомъ шагѣ увидите одно и то же: все—для необходимости и ничего для роскоши. Излишествъ нѣтъ. У насъ думаютъ, что Россія—страна бѣдная и рано ей заводить

лишнія и дорого стояющія удобства. Такимъ образомъ, несмотря на то, что у насъ заводовъ и фабрикъ болѣе сотни, они помѣщаются не въ монументальныхъ зданіяхъ, а въ старыхъ домахъ, хорошо устроенныхъ. У насъ такъ-называемыхъ дворцовъ промышленности нѣтъ, да и не нужны они. Народу хлѣбъ необходимъ, — дай Богъ прожориться!

Дорога идетъ сосновымъ боромъ. Надъ самыми рельсами колыхнутся вершины лѣсныхъ великановъ. Изрѣдка въ просвѣтъ между ними мелькаетъ серебристая полоса замерзшей рѣки. На лѣсныхъ полянахъ лежитъ уже проржавѣвшій снѣгъ. Поросль становится меньше и гуще. Березнякъ затянулъ дали. Воображаю, какая чаща здѣсь лѣтомъ. Только однѣ просѣки доходятъ сквозь это зеленое тогда царство. Въ глубинѣ просѣкъ мерещутся какія-то избы, вырубленные изъ свѣжаго лѣса; порою мелькаетъ красивая церковь или оная заблеститъ рѣчной ледъ съ темными коймами затянутого имъ по берегамъ и отмелямъ лозняка. Съвозъ грохотъ маленькой дороги мы слышимъ веселый шумъ весенней воды. Яро и гремуче бѣжитъ она по канавкамъ по обѣ стороны пути, смывая и унося съ собою попадающіяся кое-гдѣ снѣговныя заминки. Что-то есть особенно задорное и бойкое въ говорѣ ея мутныхъ пока струекъ. Лѣтомъ она гораздо спокойнѣе, точно ребенокъ, что выросъ и не позволяетъ себѣ распелиться по-весеннему.

Мальчонко въ сѣромъ суконномъ армякѣ затормозилъ вагонъ.

— Это кто же у васъ будетъ?

— Кондукторъ.

— Да ему лѣтъ четырнадцать.

— Что-жь, больше и не надо. У насъ кондукторами и машинистами служатъ свои же подростки. Подучатся въ мѣстныхъ училищахъ — и сейчасъ за работу. Они отлично ведутъ дѣло, внимательно, серьезно. О несчастіяхъ не слышать совсѣмъ. Случается, что вагонъ сойдетъ съ рельсъ или платформа кувырнется, — мигомъ, при помощи домкрата аппарата, поставимъ ее на ноги — и опять въ путь.

Малець-кондукторъ смотрѣлъ съ нѣкоторымъ сознаниемъ своей важности. Сѣрый суконный армякъ — это общій мундиръ этого заводскаго царства. Такъ одѣваются здѣсь рабочіе, управляющіе, директора, — такъ же одѣвается и самъ Мальцовъ. Простота во всемъ перешла въ формальность даже. Исключенія дѣлаются странными, почти неприличными. Въ Пестербургѣ это называютъ

интересомъ, мнѣ же кажется совсѣмъ иное. Такимъ путемъ просто достигается принципъ равенства даже въ одеждѣ. Сверхъ того возможны сокращенія потребностей, предупреждаются многія злоупотребленія, ставшія необходимыми въ другихъ мѣстахъ, гдѣ средства не соотвѣтствуютъ вкусамъ... Рабочій въ управляющаго, одѣтомъ такъ же, какъ и онъ, живущемъ одною съ нимъ жизнью, видитъ старшаго товарища. Является общеніе, о которомъ въ другихъ мѣстахъ и понятія не имѣютъ. Да и зазнаться нѣтъ, — нѣтъ къ этому даже видимаго повода. Народные учителя, учительницы — все это одѣто по-русски. Все даже наружность не выдѣляется изъ народа и потому живетъ общою съ нимъ жизнью. При общемъ оскудѣніи болѣе ста тысячъ народа не могли бы здѣсь кормиться, еслибы издержки на администрацію заводовъ были слишкомъ велики. Оклады жалованья здѣсь незначительны и нѣтъ тѣхъ громадныхъ разницъ, которыя существуютъ вездѣ. Мозолистая рука труженика заработаетъ мало чѣмъ больше конторщика или прикащика. Возьмите хотя бы желѣзную дорогу. Завѣдующій движеніемъ — изъ мѣстныхъ крестьянъ, какъ и всѣ служащіе здѣсь. В. заводскомъ царствѣ этомъ пришлого народа нѣтъ, — всѣ свои: выросли мальчиками, работали на заводахъ, учились въ школахъ и мало-по-малу досрели до «степеней извѣстныхъ». Тамъ завѣдуетъ и движеніемъ нѣкто Хобаровъ. Это — молодой человекъ, очень симпатичный, много читающій и работающій, но живущій въ той же крестьянской средѣ. Онъ получаетъ 480 рублей въ годъ. Начальники станцій — тоже мѣстные крестьяне, окончившіе заводскія школы — оплачиваются по 200 р. въ годъ каждый; телеграфисты — по 120 р.; машинисты изъ Людиновскаго механическаго училища, съ дѣтства приучившіеся обращаться со всевозможными механизмами, зарабатываютъ 447 р. въ годъ. Въ этомъ истинно-крестьянскомъ царствѣ нѣтъ ничего, кто бы выдѣлялся изъ общей массы особыми преимуществами или заработками. Живи съ рабочими и трудись, какъ они — вотъ принципъ, практикуемый съ верху до низу. Такіе оклады жалованья, какъ приведенные выше, вездѣ были бы недостаточны, здѣсь же они соотвѣтствуютъ потребностямъ. За то тамъ, гдѣ десятки тысячъ платятся всякому администрирующему «плату», сотни тысячъ народа остаются безъ работы и безъ хлѣба, а здѣсь это вещь неслыханная. Тянутся изъ послѣднего, содержатъ издержки свои до едва ли понятнаго намъ минимума, население кормятъ и, каковъ бы ни былъ экономическій кри-

зисъ, отказа въ заработкѣ нѣтъ. Самое тяжелое время было тогда, когда заводъ посѣщаль я, и все-таки я не видѣлъ здѣсь людей оставшихся безъ труда, — не видѣлъ машинъ прекративших свое движеніе, — печей остывшихъ и потухшихъ, — трубъ, которыя, какъ и въ лучшее время, не выбрасывали бы дыма... Правда, здѣсь все дѣлается для своихъ, но такихъ своихъ — полтора ста тысячъ. Есть большіе заказы — не отказываютъ и иностраннимъ. Тѣмъ не менѣе своя рубашка ближе къ тѣлу и необходимо сначала обезпечить мѣстное населеніе, а потомъ уже подумать и о чужихъ.

Правительство хотѣло было навязать желѣзной дорогѣ свою администрацію и едва удалось отбояриться отъ нея. Воображаю, какъ къ лицу этой дешовкѣ были бы величественные оберъ-кондукторы и начальники станцій съ наружностями если не министровъ, то министерскихъ швейцаровъ!...

Малець-кондукторъ въ сѣромъ армякѣ повѣрилъ билеты и потомъ, врестясь, принялся уничтожать вяземскій приникъ.

— Какая слѣдующая станція? — спрашиваю его.

— Первая отъ Раздѣльной — Стекляная Радца. Четырнадцать верстъ.

— Почему *стекляная* Радца?

— Тамъ оконное стекло выработываютъ... Вы вотъ все э-бошнствуете, а не замѣтили, какъ это у насъ устроено, чтобъ уголь не летѣлъ назадъ. На прочихъ желѣзныхъ дорогахъ всего занылить, а то и въ глаза, а у насъ тутъ аппаратъ таковой придуманъ.

И малецъ весьма серьезно и обстоятельно началъ мнѣ разъяснять устройство этого полезнаго аппарата. Я опускаю различныя подробности, скажу только, что не мѣшало бы и другимъ, дорогимъ и большимъ, желѣзнымъ дорогамъ позаимствоваться этимъ у Мальцовской дешовки.

— Вы, что же, кончили здѣсь училище?

— Да, я изъ Дядьковской школы. Сначала пѣвчимъ былъ. У насъ всѣ ученики въ пѣвчихъ, — ну, такъ какъ съ ними самъ Сургѣй Ивановичъ постоянно, онъ и видитъ, кто къ чему способенъ, — такъ и опредѣляетъ: кого на заводы, кого въ кондукторы, кого въ прибащики. И управляющихъ много у насъ такихъ, что сначала пѣвчими были. У насъ такъ: при каждой церкви свой хоръ, особенно гдѣ школа есть. Въ Дядьковѣ такъ поютъ, что архіерей былъ — удивлялся!

Каждъ проста желѣзная дорога, такъ же незатѣливы и ея станціи. Это — деревянные небольшие дома. Въ одной половинѣ — телеграфъ, тоже свой, кажда и все зданіе, въ другой — комната для пассажировъ. На станціяхъ можно получить чай и кое-какую пищу во чрезвычайно умѣренной цѣнѣ. Станціи по всему заводскому району одинаковаго типа. Въ пассажирскихъ комнатахъ, очень чистыхъ, можно найти на всякій случай постели съ бѣльемъ. Въ горницахъ для пассажировъ третьяго класса толнятся рабочие, обладающіе чугуномъ. Тамъ шумъ, гомонъ. По всему пути на вѣсть желѣзной дороги тоже встрѣчались партіи мастеровыхъ, состоятъ отличающихся отъ тѣхъ голодныхъ и озабоченныхъ завтрашнимъ днемъ крестьянъ, которые мнѣ попадались около Брянска. Большинство — въ сапогахъ: первый признакъ крестьянскаго благосостоянія, а страсть къ яркимъ цвѣтамъ свидѣтельствуесть о бедности Балужской губерніи. Крестьянки такъ и бьютъ въ глаза съшениемъ желтаго, краснаго, синяго и оранжеваго цвѣтовъ. Въ сожалѣнію, самый типъ народа далеко не красивъ. Физико, заводское и фабричное дѣло не дало ему развиваться и здѣсь слѣдуетъ, хотя физическая сила здѣсь довольно замѣтна. Уже въ самомъ началѣ мени поразило отсутствіе пьянучъ; потомъ я встрѣчаю такихъ только въ Людиновѣ. Въ остальныхъ мѣстностяхъ, особенно на стеклянномъ дѣлѣ, народъ пьетъ очень мало. Есть пьяныхъ — нѣтъ и ругани, которая почему-то считается принадлежностью русскаго человѣка. Въ вагонѣ третьяго класса поэтому можно сидѣть, совсѣмъ не рискуя услышать шумныя трехъ-этажныя привѣтствія, облетающія съ конца въ конецъ наше отечество.

— У насъ большая часть грамотные, потому мы этого невѣжества гнушаемся... На заводскомъ дѣлѣ народъ всегда ученый.

Сообщилъ мнѣ по этому поводу спутникъ мой, тоже бывшій рабочій, а теперь управляющій однимъ изъ заводовъ.

— Дѣло съ машиной имѣешь — больше думаешь...

— Простота у васъ большая.

— Потому всѣ изъ одной семьи вышли. Мы чужихъ боимся.

— Почему это?

— Потому чужой къ намъ какъ жрецъ какой пріѣдетъ. Носитъ это на все фыркаетъ, по-городскому хочетъ...

— Чужому нико... Тутъ у насъ мужицкое царство настоящее... Одинъ къ намъ пріѣхалъ и говорить: «какъ это вы безъ

глуба можете?... У насъ, — говоритъ, — на заводѣ театры играютъ, кавалеры съ барышнями танцуютъ...» А у насъ кавалеровъ нѣтъ. Наши кавалеры какъ промаятся цѣлый день за машиной, такъ первымъ дѣломъ — домой, да спать. Не запляшешь!

Вмѣстѣ съ Хобаровымъ управляетъ линіей желѣзной дороги крестьянинъ Морозовъ. Первый завѣдуетъ движеніемъ, второй — ремонтомъ. Хобаровъ кончилъ Рославльское желѣзнодорожное училище, а Морозовъ — мѣстную школу. Воображаю, во что обошлись бы дорогѣ Богъ знаетъ какихъ денегъ стоящіе инженеры и техники...

— У насъ тутъ инженерамъ и дѣлать нечего.

— Однако...

— Потому у насъ между своими много такихъ, которые могутъ. А чего не знаемъ, Сергѣй Ивановичъ расскажетъ. Онъ у насъ главный инженеръ...

— Онъ все знаетъ! — съ простодушной вѣрой во всеобъемлющія знанія Мальцова пояснилъ другой.

Вотъ потянулись безконныя штабели досокъ и бревенъ. Готовится какая-то постройка. Сотни народу возятся за ней. Шумъ только стоитъ надъ этою поляной. Какіе лѣсные великаны легли подъ топоромъ!... Пахло смолистымъ запахомъ только-что распиленныхъ сосенъ. Вдали сплошною стѣной стоятъ лѣса и кое-гдѣ изъ-за ихъ вершинъ клубится дымъ. Видимое дѣло — работаютъ заводы. Вонъ село вытянулось, отлично обстроенное. Домъ побольше — школа.

— Семьдесятъ учениковъ у насъ здѣсь и двою учителей Орловскую гимназію кончили.

Село на шестьдесятъ дворовъ. Сегодня праздникъ. Дѣтвора — вся на улицѣ; пузатая, рѣзвая, кривлявая, она бросилась было гурьбой за желѣзною дорогой, но, разумѣется, не догнала, остановилась съ разбѣгу и давай орать что-то. Вонъ на лѣво выглянула изъ лѣсу превосходная церковь и рядомъ хорошенькій домикъ, огороженный со всѣхъ сторонъ. Оказалось — тоже училище. Въ церкви, какъ и вездѣ, иконостасъ изъ мѣстнаго хрустала, да и образа писаны здѣшними художниками. Школа тоже одна изъ тѣхъ, которыми можетъ щеголять этотъ край.

— Тутъ у насъ гимназистка учитъ. Дѣтки ее страсть любятъ, — умѣетъ это она... При всей ея младости Богъ-то ее какъ умудрилъ! И не фурчить...

— Что такое?

— И не фурчить, говорю... Потому иные прочие, которые на работу выйдут к нам на наш деревенский обиход, фурчат все. Ну, а эта нѣтъ, — эта въ согласіи живетъ Мы ей, а она намъ выдаетъ.

Тутъ съ нами съѣлъ управляющій стекляннымъ заводомъ. Боковые штаны съ бахромой, порыжѣлое и точно металломъ покрытое пальто, обвалявшаяся шапочка блиномъ на круглой голове съ круглымъ носомъ и щетинистыми усами. Воображаю, съ какимъ презрѣніемъ на него взглянулъ бы товарищъ его по другимъ, не щетинистымъ, заводамъ, привыкшій къ мягкимъ рессорамъ, къ бархатной мебели, къ крупнымъ кушамъ. Этотъ какъ съѣлъ, такъ сейчасъ и голову себѣ зачесалъ.

— Что ты? — обернулся къ нему мой спутникъ.

— Да вотъ въ Дядьково... Въ главному нашему мастеру?

— Въ какому это?

— Да къ генералу... Печь у насъ.

— Экспортилась?

— Нѣтъ, цвѣтомъ стекло выходитъ не въ ту масть... Ума не приложу, что съ нею такое дѣлается.

— Ты бы хоть приутился!

— Вотъ... Я прямо съ работы, — куда тутъ еще?... Чѣмъ не пора?

— Да ужь очень мундиръ у тебя...

— Мундиръ тутъ у всѣхъ одинаковъ... По нашему дѣлу не вытаскишь... Не знаю, что съ народомъ дѣлать.

— Съ какимъ?

— Да со стороны. Валомъ валить... Есть нечего, работы просить. На какую хощь идетъ...

— Въ какъ тоже — толпами пѣлыми.

— Что-жь, если работы нѣтъ? Не своихъ же согнать. Свои...

— Оно такъ... Да нельзя ли потѣсниться какъ. Вѣдь ты знаешь, какая пора — общее горе... Вездѣ безкормица!

— Нужно спросить... Я имъ, признаться, на свой страхъ, вѣдь отпустить хлѣба... Что будетъ... Тутъ у насъ земляная работа можетъ набѣжить, — поставлю ихъ...

— Сказываютъ, изъ Подбужской волости земство къ намъ такому челоуѣкъ шлетъ — прокормить просить. Не распахнешь вѣдь-то. Самимъ дорого стоитъ хлѣбъ-оть... Въ заготовкѣ-то вырываютъ, сказываютъ, по рублю семидесяти беретъ!...

— Теперь ихъ время пришло. Бунцамъ новѣ жизнь!.. Сколь-
ко хочешь, столько и просишь!..

Раздвинулся лѣсъ. Солнце ярко бьетъ въ глаза. Изъ-подъ
снѣга обнажились точно бархатныя болотныя кочки и рѣдкіе кусты.
Даль, переполненная свѣтомъ, слѣпнеть глаза. По пути на-
встрѣчу все гуще и гуще толпы рабочихъ. Кое-гдѣ маленькія
рѣчонки уже взломали ледъ и шумятъ, и пыжуются въ мертвыхъ
пока оврагахъ. Поѣздъ нашъ быстро пробѣгаетъ надъ ними по
крутымъ, но прочно устроеннымъ мостамъ, гремя тамъ, гдѣ по
полютну дороги уложены старые рельсы правительственнаго типа.
Теперь они уже замѣняются новыми, болѣе мелкими, по кото-
рымъ поѣздъ везетъ почти безъ шума и безъ тряски. Это тоже
изобрѣтеніе Мальцова и внослѣдствіи оно вѣрно будетъ принято
всеми остальными узкоколейными путями. Вонъ вдали, кое-гдѣ
вся прячущаяся въ лознягахъ, а въ другихъ мѣстахъ широко
разливающаяся, показала главную артерію этого края, р. Болва.
Тутъ она течетъ въ крутыхъ берегахъ. Съ первою весеннею во-
дой по ней двинутся барки съ грузами, побѣгутъ пароходы внизъ
на Десну. Чрезвычайно извилистая, она почти по всему своему
теченію судоходна. Окрестности ея въ высшей степени красивы.
Въ нѣсколькихъ мѣстахъ на ней сдѣланы плюзы, къ главному
изъ которыхъ подходит тихо нашъ поѣздъ.

— Сейчасъ будетъ Любохна. Тутъ у насъ пропасть всякихъ
заводовъ. Есть чугуно-литейный, пивоваренный, водочный, вино-
курный, канатный, кирпичный, фаянсовый и пильня. Сверхъ
того, изъ стараго сахарнаго завода строится здѣсь нисчебумаж-
ная большая фабрика.

Вонъ у самаго берега снѣжид, только-что срубленные, баржи
для желѣза. Надъ босогорьемъ длинный мостъ саженъ въ четы-
реста. Солнце весело играетъ на всей этой, долой кипучаго тру-
да и видимаго довольства, мѣстности. Массы только-что наруб-
леннаго лѣса свалены въ сторонѣ. Стукъ топоровъ, дѣсни, шумъ
воды подъ колесами пильни, пыхтѣніе какого-то паровика—все
это охватываетъ меня знакомою музыкой труда. Изъ громадныхъ
амбаровъ въ сторонѣ несутся голоса рабочихъ, грохотъ какихъ-
то зубчатыхъ колесъ долетаетъ слѣва. Вонъ, постукивая, подхо-
дят по боковымъ вѣтвямъ платформы съ хлѣбомъ.

— Хлѣбъ самъ бѣжить!— шутятъ около мастеровые.

— Знаетъ, что нужно, и исползетъ.

Картина отсюда дивная.

Вдоль езда замѣчивается синяя полоса лѣсовъ, точно отступивъ, ввѣнши широкій путь Болвѣ. Вся она въ луга ушла, гдѣ выходясь серебряными подъ цѣлиною еще неподдавагося восточному солнцу снѣга. Налѣво большая церковь—красивая, бѣлая, она-она различить ее; ближе—что-то въ родѣ собора съ восточными куполами. Въ любой городъ перенести ее не смѣли. Въ этотъ просторъ дышетъ удивительнымъ мирнымъ спокойствіемъ, — не оторвался бы отъ него. Самая станція полна-полна народомъ. Мальчики-телеграфисты за работою постукиваютъ сѣтъ; мальчики-кондуктора суетятся за какимъ-то спѣшнымъ дѣломъ. Вонъ по боковой вѣтви на платформѣ рабочую артель ведутъ. Вѣсна откуда-то слышится, которую не можетъ задержать ни врывистое пыхтѣніе маленькаго локомотива, точно усталого и озливагося на людскіе голоса, перекричавшіе его.

— Тутъ у насъ, какъ бы вы думали, телеграфъ есть!— сообщаютъ мнѣ А. А. Вагнеръ.

— Тутъ же это?

— А отъ станціи проведенъ къ селу и заводамъ версты на три. И въ этомъ отношеніи старались не отставать...

Свистокъ даетъ свистокъ и поѣздъ двигается.

Восточность вся густо заселена. То и дѣло по сторонамъ дышитъ деревни. Мы пробѣгаемъ мимо земледѣльческаго хутора, въ которомъ пробуются всѣ изготовляемые и изобрѣтаемые здѣсь сельско-хозяйственные машины и орудія—всѣ эти сѣялки, вѣялки, крутирушки, молотилки, которыя на послѣдней одесской выставке затѣли англійскіе аппараты того же рода и чуть не впервые получили у нихъ большую золотую медаль. Хуторъ точно прилепленъ къ красивымъ крутымъ берегамъ маленькаго рѣчки, которая должна быть особенно хороша лѣтомъ, когда всю ее опуститъ жара; тогда на нее налетятъ отовсюду цѣлыя тучи различныхъ птицъ и на тысячи голосовъ зазвучатъ онѣ, будучи спокойныя едва-едва всхолмливающихся окрестностей. Вонъ направо вдали узкая колея боковой вѣтви прямо къ чугунно-литейному заводу, каждый годъ изготовляющему до 100.000 пудовъ мелкихъ металлическихъ издѣлій. Оттуда показался дымокъ,—должны быть вагоны бѣгутъ къ Любохнѣ въ ея склады. Сытенный заводъ рядомъ съ желѣзною дорогою торопится куда-то доставить желѣзу, которая какъ ни подпрыгиваетъ, какъ ни подпрыгиваетъ лежащаго въ ней мужика, а разбудить его очевидно не можетъ. Вонъ налѣво блеснула иррадия: точно серебря-

ный кованный щитъ блеститъ его ледяная поверхность подь солнцемъ. Березовая роща вытянулась надъ прудомъ. Въ причудливомъ узорѣ переплетающихся вѣтвей—черныя шанки каменныхъ то гнѣздъ. Гдѣ-то въ шлюзѣ вода гремитъ,—голова идетъ кругомъ. Не хватаетъ глазъ и времени насмотрѣться на эту оживленную и полную интересныхъ деталей картину...

Въ нашъ вагонъ попало нѣсколько пѣвчихъ. Мальчишки—чистенькіе, вымытые, въ исправныхъ сѣрыхъ армякахъ. Оказывается, что здѣсь ихъ при каждой церкви человекъ по шестидесяти. Занятія ихъ, впрочемъ, не ограничиваются однимъ пѣніемъ: они, сверхъ того, занимаются въ конторахъ, на телеграфѣ, въ чертежныхъ, вообще имѣютъ какое-либо болѣе серьезное дѣло. Впослѣдствіи изъ нихъ выходятъ прикащики, учителя, управляющіе заводами. Каждый изъ нихъ наперечетъ извѣстенъ Мальцову и за каждымъ онъ наблюдаетъ, какъ за близкимъ ему человекомъ.

Совсѣмъ Америка... По сторонамъ дорогъ только-что сваленъ лѣсъ, изъ-подъ рельсъ ключи бьютъ,—просочились сквозь почву,—а нашъ поѣздъ бѣжитъ себѣ и знать ничего не хочетъ... Немного не доѣзжая Дядькова, водопольемъ смыло полотно. Одинъ вагонъ соскочилъ было съ рельсъ. Поѣздъ остановился. Черезъ минуту домкратомъ его поставили опять на рельсы и нашъ локомотивъ запыхтѣлъ опять, унося насъ въ царство крупнаго, Богъ-вѣсть какъ сохранившагося у зародковъ, лѣса... Вонъ въ сторонѣ поселокъ. Только дымъ отъ него виденъ.

— Тамъ у насъ десять дворовъ латышей поселилось.

— Какъ они попали сюда?

— Приняли и арендовали землю. Отличныя, исправныя хозяйства! Намъ бы, русскимъ, съ нихъ примѣръ брать...

III. Первая попытка частнаго телеграфа въ Россіи.—Кто его тормозилъ.—

Нынѣшнее положеніе.—Оригинальные телеграфисты.

Всѣ здѣшніе заводы соединены между собою телеграфными проволоками. На каждой желѣзнодорожной станціи, почти въ каждомъ селѣ, есть телеграфныя конторы. Вся эта сѣть сдѣлана частнымъ лицомъ, на свои собственные средства. Правительство не помогало ему. Примѣръ такой предприимчивости, какъ въ желѣзнодорожномъ, такъ и въ телеграфномъ дѣлѣ—можно найти развѣ въ Америкѣ, но никакъ уже не у насъ. По брайней мѣрѣ я не знаю

— Да вотъ маленькое дѣльце тутъ... Приѣхалъ къ вамъ уничтожить телеграфъ.

— То-есть какъ же это?

— А вотъ дайте народу съ топорами, — завтра начнемъ рубить столбы...

— Ну,, ужъ это, батюшка, вы сами съ топоромъ усердствуйте!

Начались переговоры. Едва убѣдили законную власть отобрать подписку въ томъ, что телеграфъ, пока не получится разрѣшенія изъ Питера, дѣйствовать не будетъ... Хорошо еще, что администраторъ попался столбчивый, а то такъ бы и не бывать дѣлу. Пришлось приостановить сообщеніе по проволокамъ, когда вездѣ уже началась корреспонденція и достаточно было подготовленныхъ самимъ Мальцовымъ къ этому дѣлу мальчиковъ-телеграфистовъ. Прошло шесть мѣсяцевъ, а ни слуху, ни духу. Справляются. Дѣло объяснилось по-россійски.

— Не посылаемъ чиновника потому, что не сказано, гдѣ вы его встрѣтите.

— Да вѣдь карта есть!

Наконецъ, является специально командированный изъ Питера мундирный техникъ.

— Слава Богу!... Привезли разрѣшеніе?

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ же вы?

— Дайте мнѣ карту, я и уѣду.

— За тѣмъ васъ и посылали?

— Именно.

Взялъ карту и отправился въ Питеръ... Опять проходитъ достаточно времени, чтобы построить еще десять сѣтей. Наконецъ, является второй чиновникъ, важнѣе перваго. Грудь колесомъ, фуражка на затылкѣ. По-русски жуеть, а не говоритъ, на Мальцова смотреть свысока.

Здѣсь обрадовались, авось этотъ-де выручитъ.

— Поѣдемте, — предлагаетъ ему Мальцовъ, — покажите моимъ мальчикамъ, какъ надо дѣйствовать. Можетъ-быть у насъ что-нибудь и не такъ.

— Это невозможно!

— Почему?

— Потому, что телеграфъ не должна дѣйствовать!

— Какъ это?

— Она дурно построена.

— Да кто еще его не видѣли?

— Кто, не видалъ... А только немощна...

— Да разве нужно было сдѣлать?

— Развѣ было вѣдать.

— Да кто вы вѣдали долго.

— И еще подождать!

— Что же?

— Чтобы вы прислалъ къ вамъ свой чиновникъ для по-

ясненія, что идиотъ, ничего съ нимъ не подѣлаешь, — утвер-

дился на своемъ и никакимъ рошномъ его не свернешь...

— Послушайте, — попробовали еще разъ, — да вѣдь вы же

имѣете въ разрѣшеніе.

— Вѣдь... Я буду посмотрѣть... Разрѣшеніе должна при-

ехать изъ Петербурга послѣ мене... Но только не будетъ,

тому телеграфъ дѣйствовать немощна!...

Проехалъ его. Проѣхалъ онъ по линіи и возвратился въ Пи-

тербургъ. Сидитъ проходить время, а телеграфъ стоитъ.

Въ третій разъ прѣзжаетъ специально командированный чинъ.

— Ну, что? — бросаются къ нему.

— Провести разрѣшеніе.

Дешевы казенныя деньги въ Россіи, а время еще дешевле...

И кажутся, это продѣлали съ человѣкомъ, имѣющимъ въ Пе-

тербургѣ громадныя связи, знакомства, силу. Что же по всему

лицу великой земли Русской приходится дѣлать простымъ смерт-

нымъ? И каковы ли мы, что предприимчивость наша разви-

вается такъ туго? Одни телеграфныя нѣмцы наши могутъ хоть

какъ довести до одури. А вѣдь у насъ во всякой щели засѣли

такие виверны и вѣтъ такихъ громовъ небесныхъ, которые могли

бы выгнать ихъ изъ этихъ привольныхъ убѣжищъ...

Телеграфъ, проведенный такимъ образомъ, обошелся баснословно

дорого. Еще бы!... Проволока своя, столбы изъ своего лѣса,

стаканчики сдѣланы на своихъ заводахъ. Казенныхъ строителей

и мастеровъ не было вовсе, а извѣстно, что одно составленіе

линии потребуетъ больше расходовъ, чѣмъ весь телеграфъ...

Проехалъ его здѣсь, приспособлялись къ мѣстности всюду, гдѣ

возможно это возможнымъ. Такъ, въ лѣсу столбовъ не ставили,

а рубили проволоку къ крупнымъ деревьямъ. Сверхъ того и

приспособленія свои устроены. Стаканчики усажены не на але-

бастровую массу, какъ въ базенныхъ телеграфахъ, а на засмоленную пеньку, которая не боится переменъ погоды и той или другой температуры. Въ то время, какъ базенные поэтому зачастую разрушаются, здѣшніе держатся очень долго.

Финаль этого дѣла всего комичнѣе.

Бъ двумъ существующимъ проволокамъ телеграфа, которыя, по словамъ мундирныхъ техниковъ, не должны были дѣйствовать, правительство потомъ попросило у владѣльца позволенія прибавить свою третью проволоку и пользуется ею. Это ли не комедія!...

Всюду, гдѣ я ни посѣдлалъ здѣсь телеграфныя конторы, работающіе въ нихъ телеграфисты въ сѣрыхъ армякахъ производили на меня самое отрадное впечатлѣніе. Осмысленныя лица ихъ и сознательная работа на вашихъ глазахъ невольно подбуждали наблюдателя. Видишь, съ какими малыми средствами можно у насъ дѣлать большое дѣло, лишь были бы энергія и предприимчивость, въ отсутствіи которыхъ, разумѣется, не мы виноваты. Въ то же время, видя эти дешовыя дороги, эти ни во что не обошедшіяся телеграфныя сообщенія, невольно задаешься вопросомъ, сколько лишнихъ денегъ—этого вычеканеннаго въ металлѣ народнаго трудового пота—тратитъ казна на свои дорогія и, правда, не лучше служащія ей сооруженія. Въ такомъ ли видѣ были бы наши финансы, наше экономическое благосостояніе, еслибы хозяйственные способы, лѣтъ двадцать тому назадъ, смѣнили привольно практиковавшееся и никогдѣ не удивлявшее «хищеніе»?... Именно «хищеніе»,—благо хоть терминъ подходящий придумали... Интересно было бы сосчитать, сколько ушло такимъ образомъ миллиардовъ и гдѣ, въ чьихъ заgreбистыхъ лапахъ, они находятся теперь,—интересно хоть какъ урокъ для будущаго!...

Бстати привести здѣсь нѣкоторыя цифры, относящіяся къ этому дѣлу.

Первыя 105 верстъ здѣшнихъ телеграфныхъ сообщеній, считая тутъ же и цѣнность аппаратовъ, всего обошлись въ 4.450 рублей. Ежедневное содержаніе телеграфовъ съ ихъ ремонтомъ стоитъ заводамъ около 1.500 рублей.

В. Немировичъ-Данченко.

(Продолженіе слѣдуетъ.)